Захаров Александр Михайлович

4-Я ПОЛЬСКАЯ ДИВИЗИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ЮГЕ РОССИИ (1918-1919 ГГ.)

Статья посвящена истории создания и функционирования на Юге России в 1918-1919 гг. польской добровольческой военной части - 4-й дивизии генерала Л. Желиговского. Автор особо отмечает отсутствие у стран Антанты единых планов в отношении этого формирования, что позволило польским государственным властям использовать его преимущественно в государственных интересах Польши, как они их понимали. Данная публикация является первой самостоятельной публикацией на русском языке о судьбе 4-й польской дивизии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (45): в 2-х ч. Ч. II. С. 85-89. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47).084
Исторические науки и археология

Статья посвящена истории создания и функционирования на Юге России в 1918-1919 гг. польской добровольческой военной части – 4-й дивизии генерала Л. Желиговского. Автор особо отмечает отсутствие у стран Антанты единых планов в отношении этого формирования, что позволило польским государственным властям использовать его преимущественно в государственных интересах Польши, как они их понимали. Данная публикация является первой самостоятельной публикацией на русском языке о судьбе 4-й польской дивизии.

Ключевые слова и фразы: Гражданская война в России; польские добровольцы; Антанта; генерал Л. Желиговский; Белая армия А. И. Деникина.

Захаров Александр Михайлович, к.и.н., доцент
Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
rusist.rgpu@mail.ru

4-Я ПОЛЬСКАЯ ДИВИЗИЯ В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ НА ЮГЕ РОССИИ (1918-1919 ГГ.)©

Судьба польских добровольческих частей, сформированных на Юге России, сложилась особенным образом. Здесь важнейшим фактором стало соседство с армиями Белого движения. Гражданская война в России была уже свершившимся фактом, дистанцироваться от которого поляки не смогли бы ни при каких условиях, хотя Польский совет межпартийного объединения (**ПСМО**) и декларировал обратное. «1. Польша не находится в состоянии войны с Россией, – сообщал он 13 августа 1918 г. в письме Польскому национальному комитету в Париж; 2. На территории России находится около 2 млн поляков; 3. Польских добровольцев можно организовать только путем невмешательства во внутренние дела России; 4. Единственной целью, которую ставят перед собой польские вооруженные силы, является создание объединенной и независимой Польши путем победы над Германией в военном содружестве с армиями Антанты» [1, с. 410].

Практически в таких же выражениях оценивали положение в письме к генералу Ю. Галлеру 10 июля те, кто ведал в ПСМО вербовочными вопросами – ксендз К. Лютославский и подполковник К. Орлик-Лукоский. «Необходимо создание воинской части, являющейся интегральной частью единой и неделимой польской армии, не входящей при этом в состав польских вооруженных сил, а воюющей в боевом братстве с отрядами армий, состоящих под общим союзным командованием против немцев и их союзников, для освобождения из-под их ярма польских земель» [7, s. 193], – писали они. Относительно Советской России авторы письма также предлагали сохранять нейтралитет, вспомнив знаменитый лозунг легионов Я. Домбровского: «Вольные люди – братья друг другу!».

С практической стороны вопрос начал решаться 14 августа 1918 г. В этот день приказом Галлера подполковник Л. Бобицкий был назначен командующим польскими войсками на Украине. Последний тут же учредил в Киеве Главное командование вербовочно-агитационной организации (**ОВА**), целью которого была концентрация польских солдат в вооруженных формированиях на Юге России (еще один немаловажный момент, на который обращают внимание далеко не все исследователи – во внутренней переписке поляки упорно избегали слова «Украина», заменяя его на «Юг России» [Ibidem, s. 219]). В штаб Бобицкого вошли Л. Лис-Куля, С. Езерский, К. Орлик-Лукоский и Я. Ковалевский. Просуществовало ОВА до 9 января 1919 г.

Помимо собственно вербовки ОВА вело активную агитацию в австрийских частях, оккупировавших Украину: 13-м и 97-м пехотных, 16-м и 30-м ландверных и 1-м уланском полках. Перешедших оттуда поляков тайно переправляли в район Проскурова, оккупированный венгерскими частями, выдавая их за волынских чехов [Ibidem, s. 199]. В Киеве под редакцией Г. Олеховского издавался пропагандистский журнал „Tygodnik Wojskowy".

Но настоящим центром вербовки и агитации стала станица Пашковская под Екатеринодаром. Руководивший ею полковник Ф. Зелиньский, бывший командир 4-й дивизии 2-го польского корпуса, по праву может считаться истинным создателем польских добровольческих формирований на юге России. 27 августа 1918 г. он отдал приказ № 1 по этим частям. Согласно его тексту в их состав входили пехотный батальон, уланский дивизион и батарея легкой артиллерии – всего около 700 человек [9, s. 166]. Добровольцы прибывали в станицу под видом репатриируемых австрийских военнопленных в австрийской же форме.

Руководители ОВА и в самом деле пытались какое-то время соблюдать видимость нейтралитета. Бобицкий в инструкции от 5 сентября 1918 г. просил солдат и офицеров, находившихся в Пашковской, не вести с русскими никаких разговоров на политические темы, а также по возможности не носить вне территории военного лагеря польскую форму и польские знаки различия [7, s. 194].

Нейтралитет закончился 3 октября 1918 г., когда отряд из 800 человек под командованием полковника Малаховского был официально включен в состав армии Деникина. Расположившись на левом фланге белых в составе корпуса генерала С. Л. Станкевича, отряд принял участие в октябрьских боях с красными войсками под Ставрополем и Терновкой [Ibidem, s. 195].

Несмотря на начавшееся практическое сотрудничество, отношения поляков с Белым движением были более чем сложными и запутанными. Очень удачно их оценивал в своих мемуарах кадровый дипломат Г. Н. Михайловский. «Отношения с Польшей представляли, – писал он, – как этого и следовало ожидать,

© Захаров А. М., 2014

и чисто военный интерес. Русско-польские отношения в этот период находились в явном тупике. Не было сомнения, что поляки были прямыми союзниками Деникина по военно-стратегическому положению вещей, но вылиться в союз настоящий, т.е. вполне оформленный, с обязательствами для той и другой стороны, с общеобязательным планом военных действий эти отношения никак не могли. Это обстоятельство имело самые важные и прямо катастрофические последствия …

Польша фактически находилась в постоянных военных действиях с Советами, но чтобы эта фактическая война привела к решительному благоприятному концу, надо было не только воевать параллельно с Добровольческой армией, но и сговориться с нею…

С польской стороны тоже были, конечно, колебания и изменения линии поведения в зависимости от хода военных событий, но ведь это естественно в такие неустойчивые времена. В то же время инициатива военного союза всегда принадлежала полякам, а Деникин и Врангель, оба по-разному, отвергли протянутую им руку… Ведя борьбу с большевиками, нельзя было осложнять ее борьбой с поляками. Отсюда всевозможные увиливания и оттягивание категорического ответа, принимавшиеся с польской стороны за двуличие и неискренность выраженного Деникиным желания сблизиться с поляками» [3, с. 214-217].

Эта цитата не случайна. Она показывает не только отсутствие у белых вождей четкой позиции в отношении Польши, но и их заблуждения относительно польской точки зрения. Утверждения Михайловского о «протянутой руке» на предмет военного сотрудничества откровенно преувеличены. Польские лидеры отлично представляли себе, с кем имеют дело. Имперские взгляды и «единонеделимость» белой внешней политики представляли собой барьер куда более мощный и непреодолимый, нежели это казалось русским дипломатам. Причины этого вполне ясны: поляки представлялись белым союзниками в борьбе с большевиками, белые же виделись полякам всего лишь младшим партнером Антанты, которую они воспринимали как гаранта независимости Польши. Не изменила положения даже прибывшая к Деникину официальная польская миссия во главе с генералом Н. Карницким – другом и сослуживцем Деникина – и профессором Е. Ивановским, ставшим вскоре министром промышленности в первом правительстве независимой Польши. Ивановский в своем описании того, что увидел в штабе белых, был откровенен и беспощаден. «В Таганроге мы застали знакомое уже нам общество наихудших царских чиновников, – охранки, жандармерии, полиции, губернаторов, генералов, – всех тех, кто вел в старое время борьбу против движений за независимость и против польского – прежде всего, – писал он. – Эти люди плотным кольцом окружали Деникина – такого же, как они, человека, не понимавшего, что их времена бесповоротно миновали, и люди, сбросившие ярмо царизма, добровольно под него не вернутся. Они сидели в главной квартире – пили, политиканствовали и домогались помощи от Англии и Франции: на фронт никто из них не спешил… В глазах Деникина польский патриотизм был если не ~~«б~~андитизмом", то уж как минимум ~~—~~психопатической мегаломанией"» [7, s. 208].

18 октября 1918 г. в Екатеринодар прибыла и другая миссия – на сей раз от имени ОВА. Возглавившие ее Л. Бобицкий и М. Сокольницкий привезли важное решение – сформировать на Юге России не просто польское добровольческое формирование, а воинскую часть, официально входящую в польскую армию. Поскольку от польских корпусов в России осталось только воспоминание, а во Франции под командованием Ю. Галлера находились три дивизии, созданные из польских военнопленных, часть эта сразу получила название 4-й польской добровольческой дивизии. С делегацией прибыл и назначенный приказом Галлера ее командир – полковник Л. Желиговский [11, s. 191].

22 октября 1918 г. в Екатеринодаре был создан Главный комитет польских войск на востоке. Его председателем стал Желиговский, членами – Сокольницкий, Бобицкий, Е. Здзеховский, Ф. Рачковский и З. Оплюстиль (последние трое представляли ПСМО). Главный комитет принимал на себя все полномочия по организации, финансированию и укомплектованию части. Начальником штаба дивизии назначался Бобицкий, командирами бригад – полковники Ф. Зелиньский и М. Жимерский. Управление формирования возглавил полковник Б. Вендзягольский, полномочия которого охватывали огромный район от Тифлиса до Новороссийска и заключались в мобилизации в состав дивизии всех поляков на этой территории в возрасте от 18 до 35 лет. 23 октября эти назначения были утверждены приказом Желиговского по дивизии № 1 [7, s. 200].

С первых дней Желиговский столкнулся с двумя проблемами. Первой из них стала финансовая. Первая мировая война заканчивалась, необходимость в польских войсках становилась все меньшей и, соответственно, все более скупой становилась Антанта. Доклад Бобицкого представителям союзного Верховного командования в Яссах 4 ноября 1918 г., в котором тот предлагал создать на Юге России 20-тысячную польскую армию, был встречен без особого понимания – запрошенные 3 млн рублей союзники полякам дать отказались.

Второй проблемой стало уже упомянутое непонимание и несоответствие целей с Белым движением. Проще всего удалось добиться согласия с властями Донского края – генерал Краснов, лишившийся своего немецкого союзника, отчаянно нуждался в новом. 12 ноября 1918 г. по просьбе З. Оплюстиля Краснов издал мобилизационный приказ для поляков по Донской области и назначил майора Квециньского ответственным за его выполнение на этой территории [5, с. 1]. Зато в дипломатическом окружении Деникина принципиального изменения обстановки не понял практически никто. После провозглашения польской независимости в Варшаву был назначен специальный представитель Деникина Г. Н. Кутепов, но масштаб его дипломатических талантов был несравним со сложностью стоявшей перед ним задачи. Кроме того, «правду сказать, положение в Варшаве русского представителя-антибольшевика было до крайности трудное. Только что освобожденная Польша, конечно, не знала меры в негативном отношении ко всему русскому» [3, с. 217].

11 ноября 1918 г. в ознаменование провозглашения польской независимости приказом Ю. Галлера, утвержденным Польским национальным комитетом 17 ноября, Л. Желиговскому, М. Жимерскому и Ф. Зелиньскому были присвоены звания бригадных генералов. Звучало это, естественно, очень солидно, но в реальности к этому

моменту в штате 4-й дивизии числилось не более 2 000 человек (мемуаристы отмечают, что чинопроизводство в польских войсках часто не согласовывалось ни с реальными надобностями, ни с реальными заслугами, так что старших офицеров в польских войсках было едва ли не столько же, сколько младших [10, s. 192]). Попытка пополнить его с помощью ОВА провалилась в силу авантюризма и непрофессионализма людей, ее осуществивших. Л. Лис-Куля сумел сконцентрировать на Подолье в районе Ярмолинец отряд в 22 офицера и 700 солдат при 12-ти пулеметах и 2-х орудиях. Его командир полковник Ч. Рыбчиньский подчинялся приказам ОВА. Идея провести это воинство маршем через Западную Украину в район Тарнополя – Проскурова была обречена с самого начала. В плане не учитывалось существование ни Народной армии Западной Украины, ни немецких войск, все еще остающихся на Украине. Марш 21-28 ноября 1918 г. закончился полным фиаско – в районе Микулиниц под Тарнополем Народная армия с помощью немцев окружила и разоружила отряд Рыбчиньского [7, s. 207-208].

Убедившись в том, что помощи от ОВА ему не дождаться, Желиговский решил обратить свою дивизию в авангард войск Антанты. Удобный случай подвернулся практически сразу – 27 ноября 1918 г. гетман Украины П. П. Скоропадский обратился к Антанте с просьбой выделить два батальона для оккупации Одессы и защиты ее от войск Красной Армии. Хотя в литературе и существует дискуссия о последовательности шагов – союзники выступили с таким предложением [6, s. 370] или сам Желиговский [7, s. 210] – уже 28 ноября было принято принципиальное решение о переброске 4-й дивизии в Одессу.

Еще 25 ноября 1918 г. польским правительством была сформирована «Польская военная миссия на Украине» во главе с генералом Г. Остаповичем с местопребыванием в Киеве. Генерал имел полномочия курировать вербовочные вопросы, координировать все военные вопросы с дипломатическими представителями Польши и направлять офицеров в Польшу. Последний момент нуждается в пояснении. Недостаток офицерских кадров ощущался остро, и проблема эта волновала польских лидеров еще с начала осени. Их внимание охватывало все польские войска на всех участках их дислокации. Исполняющий обязанности председателя Польского национального комитета М. Замойский, например, писал министру иностранных дел Франции С. Пишону 12 сентября: «Польский национальный комитет заявляет о своей готовности присоединиться к предложенному господином генералом Пулом решению поддержать находящиеся в России польские войска. Это решение, полностью оправданное сложившимися обстоятельствами в применении к солдатам, не может, однако, безоговорочно быть отнесено к офицерам. В самом деле, последних слишком много на севере России, в то время как в них имеется отчаянная нужда в рядах польской армии во Франции. Польский национальный комитет считает своим долгом принять во внимание эту необходимость, тем более настоятельную, что в настоящее время молодая польская армия, воюющая на Западном фронте, может после первого же сражения остаться без офицеров» [1, с. 432]. Само собой разумеется, такой же точки зрения Польский национальный комитет придерживался и относительно польских офицеров на Юге России.

28 ноября 1918 г. от имени польского правительства заместитель министра иностранных дел Т. Филиппович назначил графа З. Белину-Бжозовского польским консулом в Одессе [4, с. 1]. В его задачи в числе прочих входило содействие мобилизации кадров в 4-ю дивизию и обеспечение гражданской репатриации для тех, кто не подлежал мобилизации по возрасту или здоровью. 2 декабря первая партия польских солдат – 800 человек прибыла в Одессу [7, s. 210].

Этот авангард, находившийся под командованием генерала М. Жимерского тут же дал бой петлюровцам в районе железнодорожной станции Раздельная, отбросив их от города. На совещании с участием французского консула в Одессе Эно и военного атташе Франции капитана Ланжерона были определены вопросы оперативного подчинения. В стратегическом отношении дивизия объявлялась частью 3-го армейского корпуса войск Деникина, стоявшего под командованием генерала В. И. Бискупского. Основной задачей дивизии определялось поддержание порядка в городе до подхода основных сил союзников. 3 декабря в город в помощь консулу прибыл военный атташе Польши при правительстве Украины майор Ю. Клееберг [Ibidem, s. 211].

5 декабря 1918 г. генерал Ф. Зелиньский и Ф. Рачковский поставили перед представителями Антанты (в частности, представителем Франции графом А. де Сент-Олером) вопрос о снабжении и финансировании дивизии. Поляки просили кредит в 1,5 млн рублей в месяц. Им отказали. Рачковский и Зелиньский отправились сначала в Салоники (там находился штаб командующего союзными войсками на Южном театре военных действий маршал Франше д'Эспере), а затем в Париж. Это возымело действие – с 1 января 1919 г. дивизия стала получать снабжение от интендатуры 156-й французской стрелковой дивизии на правах союзной армии [Ibidem].

8 декабря 1918 г. генерал Желиговский приказом № 24 внес изменения в штатное расписание дивизии. Бригады были упразднены, дивизия переводилась на трехполковой состав. Командирами 2-го, 13-го и 14-го стрелковых полков стали, соответственно, генерал Жимерский и полковники С. Сикорский и Малаховский.

Командование 4-й дивизии хорошо понимало, что ее роль на Украине гораздо больше и важнее, чем она может сыграть в Польше. «Обратите внимание на важный аспект, – писал Л. Бобицкий Е. Морачевскому из Одессы, – что обычное возвращение горстки наших солдат домой не сыграет серьезной роли, в то время как наше пребывание на Украине имеет первостепенное значение, тем более, что при нынешней тенденции к восстановлению единой и неделимой России польский народ не должен пострадать». О том же писал в рапорте генералу Галлеру Желиговский 28 января 1919 г.: дивизия на Украине «может оказаться решающим фактором, так как белая армия реальной силой сейчас не является» [Ibidem, s. 213]. Желиговский отмечал также, что дивизия занимает исключительно важное положение на коммуникационных линиях Украины и Галиции и обладает свободой широкого маневра.

В Варшаве рассуждали примерно так же. 8 января 1919 г. Ю. Пилсудский в качестве временного главы государства прямо предписал Желиговскому «по согласованию с коалиционным командованием при выполнении поставленных задач занимать территории, позволяющие в дальнейшем увеличивать комплектование польской

армии» [6, s. 504]. По всей видимости, польские лидеры решились на прямое поглощение территории Восточной Галиции, используя для этого 4-ю дивизию и прикрываясь от петлюровской Украины как буфером войсками Антанты. Идея буфера в эти дни вообще была очень популярна в польском руководстве: 18 января министр иностранных дел И. Падеревский обратился к правительству Румынии с запросом, не смогут ли эту роль выполнить румынские войска. Ответ пришел быстрый и отрицательный: Антанта была элементарно не готова расширить плацдарм интервенции. Об этом недвусмысленно высказывались 16 января на Совете Антанты Ллойд-Джордж и Вильсон [2, с. 309-310]. Несмотря на это 19 января 1919 г. начальник 6-го отдела польского генерального штаба (разведка) полковник Ю. Рыбак писал: «В войне, организованной Францией против большевиков, мы предположительно займем линию фронта от Бреста до Проскурова». При этом информации, подтверждающей, что Антанта и впрямь такое планировала, нет, а точка зрения Рыбака в дальнейшем подтверждения не получила. Скорее всего, разведка, как это с ней нередко бывает, выдала свое предположение за уверенность [7, s. 216].

Что делать с 4-й дивизией, Антанта, похоже, и в самом деле не знала. Взаимоисключающие проекты в начале 1919 г. множились один за другим. Маршал Франше д'Эспере докладывал 9 января Верховному командованию Антанты, что мобилизационные возможности позволяют увеличить штат дивизии до 4 000 человек и просил выделить на это 1 млн рублей. От имени польского правительства за дивизией в Одессе присматривали посол Б. Кутыловский, регулярно наносивший в ее расположение визиты, и Одесское отделение ОВА во главе с М. В. Шайтц фон Шютценфельдом. Офицеры с более или менее леводемократическими политическими взглядами (как, например, М. Жимерский) подталкивали командование дивизии к союзу с петлюровской Украиной. Помещики Подолии пытались лоббировать свои интересы через начальника 3-го отдела штаба дивизии ротмистра В. Дзержикрай-Стокальского – их, в первую очередь, интересовала безопасность их имущества. Наконец, штаб Деникина, не расположенный к полякам вообще, через губернатора Одессы генерала А. Н. Гришина-Алмазова добивался от Антанты согласия на скорейшую отправку дивизии в Польшу [9, s. 170], а прибывшая в конце января 1919 г. в Варшаву специальная миссия русского Красного Креста во главе с генералом Губачевым предлагала не менее интересный вариант – заменить поляков в Одессе репатриируемыми из Польши русскими военнопленными [8, s. 154].

Генерал Л. Желиговский в этой ситуации превращавшийся в кондотьера, воюющего за чужие интересы, откровенно растерялся. Помимо всего прочего, не владея французским языком, он не мог прямо общаться с представителями Антанты и вынужден был подключать к этому общению людей из своего штаба (чаще всего специального референта графа В. Велегловского), не всегда стопроцентно лояльных по отношению к своему командиру и имевших некоторые собственные интересы. Понимавший это руководитель польской военной миссии на Украине генерал Г. Остапович озабоченно отмечал 10 января 1919 г. в письме к генералу Бертело, что «поляков на Украине втягивают во внутренние дела Украины и России» [7, s. 214]. Это же отчетливо видел и Главный комитет польских войск на востоке – политическое руководство дивизии. Ф. Рачковский от его имени даже потребовал смещения Желиговского и Бобицкого – «порядочных, но безынициативных офицеров» (мемуары Рачковского не датированы, поэтому определить, когда было выдвинуто данное требование, невозможно [Ibidem, s. 220]).

Самое парадоксальное при этом, что дивизия сохраняла дисциплину и порядок (кстати, уже одно это позволяет опровергнуть суждение о командирах дивизии как о людях профессионально непригодных). Причин тому, как представляется, несколько. Во-первых, штат дивизии включал очень высокий процент офицеров – по данным на середину февраля 1919 г. в нем состояло 717 офицеров, 472 унтер-офицера и 1 758 солдат. Во-вторых, Желиговский очень умело пользовался лозунгами национальной революции и независимости (одним из самых известных и популярных был «У нас нет хлеба, зато у нас есть Сейм»). Наконец, в-третьих, в Одессе имелись другие войска Антанты, способные подавить любой мятеж в зародыше [9, s. 173].

Дивизия использовалась и как фронтовая часть (7 февраля вместе с французским 58-м пехотным полком принимала участие в штурме Тирасполя), и как полицейская (подавляла рабочую забастовку в Беляевке и крестьянское восстание в Кремидовке во второй половине февраля). И все равно господствующим в дивизии настроением постепенно становилось желание отъезда в Польшу. В рапорте Галлеру от 20 февраля Бобицкий прямо писал, что единственным препятствием на пути к этому он видит недостаточные технические возможности [7, s. 205]. Доходило до абсурдных ситуаций. В начале февраля 1919 г. власти Советской России заявили о готовности отправить в Одессу 500 польских военнопленных из лагерей, оказавшихся на ее территории. Но когда стало ясно, что в Одессе этих людей включат в состав действующей армии, готовность ехать изъявило только 64 человека [9, s. 173]. Наконец, последней каплей, по словам самого Желиговского, стало распространение пацифистской пропаганды французскими солдатами [7, s. 221].

25 марта 1919 г. Совет Антанты утвердил решение об эвакуации Одессы. Уже на следующий день Желиговский издал приказ по дивизии о начале вывода ее частей в Тирасполь. 30 марта польские части начали выводиться из Одессы и сосредотачиваться в районе Тирасполь-Черновцы. В войсках это решение было встречено с удовлетворением всеми без исключения. В конце концов, даже у настроенных резко антибольшевистски офицеров нашелся свой аргумент – «не было смысла кормить миллион гражданских лиц, половина из которых сочувствовала большевикам» [6, s. 510]. 5 апреля эвакуация завершилась. В арьергардных боях с частями атамана Н. Григорьева 7 апреля погиб подполковник П. Бартель, командовавший дивизионной артиллерией. Генерал Бертело, отмечая действия польского арьергарда, писал в приказе от 30 апреля 1919 г., что Бартель и его люди «дали великолепный пример отваги, самоотверженности и хладнокровия, подобно античным героям» [12, s. 100].

В июне 1919 г. дивизия была переведена через Днестр на территорию Польши и переименована в 10-ю пехотную дивизию. Последние упоминания о ней в документах определяют ее штат в 2 896 человек [7, s. 219].

Подводя итог, следует отметить, что участие 4-й польской дивизии в гражданской войне в России не было продиктовано насущными интересами Польши, а, скорее, наоборот – чем дольше продолжалось бы внутреннее гражданское противостояние в России, тем больше шансов сформировать Польшу в выгодных для нее геополитических параметрах получали ее власти. Польские добровольцы приняли участие в интервенции, но ничуть не в большей степени, чем интервенты основных стран Антанты. Они не сыграли решающей роли ни в одном крупном сражении и не понесли сколько-нибудь заметных потерь. Кадровый ресурс оказался исчерпан относительно быстро – поляков-военнопленных к началу гражданской войны в России практически не осталось, желающие давно уже встали в ряды добровольцев, а русские поляки часто оказывались настолько ассимилированными, что с трудом воспринимали национальную польскую идею и не очень хотели покидать привычные места проживания ради родины, казавшейся далекой и эфемерной.

Список литературы

1. **Документы и материалы по истории советско-польских отношений** / ред. Н. А. Хренов, Н. Гонсеровская-Грабовская. М.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 1. Февраль 1917 – ноябрь 1918. 546 с.
2. **Ллойд-Джордж Д.** Правда о мирных договорах. М.: Политиздат, 1957. Т. 1. 510 с.
3. **Михайловский Г. Н.** Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914-1920 гг. М.: Международные отношения, 1993. Кн. 2. Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. 688 с.
4. **Одесские новости.** 1919. 11 января.
5. **Приазовский край.** 1918. 16 (29) ноября.
6. **Baginski H.** Wojska polskie na Wschodzie, 1914-1920. Warszawa: Główna księgarnia wojskowa, 1921. 631 s.
7. **Deruga A.** Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Bialorusi i Ukrainy (1918-1919). Warszawa: Książka i wiedza, 1969. 327 s.
8. **Gostyńska W.** Stosunki polsko-radzieckie, 1918-1919. Warszawa: Książka i wiedza, 1972. 402 s.
9. **Grosfeld L.** Polskie reakcyjne formacje wojskowe w Rosji 1917-1919. Warszawa: Państwowe Wyd. Naukowe, 1956. 227 s.
10. **Hulewicz B.** Wielkie wczoraj w małym kręgu. Warszawa: Inst. Wyd. Pax, 1973. 285 s.
11. **Nalęcz T.** Polska Organizacija Wojskowa, 1914-1918. Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakł. Nar. im. Ossolińskych, 1984. 256 s.
12. **Pobóg-Malinowski W.** Najnowsza historia polityczna Polski, 1864-1945. L.: Gryf Printers, 1956. T. II. Cz. 1. 667 s.

THE FOURTH POLISH DIVISION IN THE CIVIL WAR IN THE SOUTH OF RUSSIA (1918-1919)

Zakharov Aleksandr Mikhailovich, Ph. D. in History, Associate Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia
rusist.rgpu@mail.ru

The article is devoted to the history of the formation and functioning of the Polish voluntary military unit – the fourth division of the General L. Żeligowski in the South of Russia in 1918-1919. The author makes a special emphasis on the Entente countries' lack of unified plans regarding the unit and this allowed the Polish state authority to use it mainly in the state interests of Poland as they were understood by them. This work is the first independent publication in the Russian language about the fortune of the fourth Polish division.

Key words and phrases: The Russian Civil War; the Polish volunteers; the Entente; General L. Żeligowski; the White Army of A. I. Denikin.

УДК 930.85:130.2
Философские науки

В статье рассматриваются основные моменты, характеризующие процесс трансформации социокультурного пространства Монголии под воздействием духовно-нравственных ценностей советского времени. Затрагивается вопрос об актуальности проблемы сохранения монгольской этнокультурной идентичности на современном этапе. Изучение особенностей историко-мировоззренческих констант монгольского этноса может представлять интерес как с точки зрения теоретического исследования, так и в ходе контактов с монгольскими партнерами.

Ключевые слова и фразы: трансформация; социокультурная идентичность; социум; идеология; культура; влияние.

Зимин Очир Игоревич
Забайкальский государственный университет
zimin_ochir@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ТЕРРИТОРИИ МОНГОЛИИ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД©

Наблюдающиеся в настоящее время угрозы социокультурной идентичности монгольского общества, вызванные распространением в стране на пороге XX-XXI вв. западных цивилизационных ценностей, достаточно схожи с последствиями для монгольской культуры перехода республики в прошлом веке на социалистический путь развития. Попробуем рассмотреть данный вопрос подробнее, в том числе в ретроспективном ключе.

© Зимин О. И., 2014